

Изготовление и изготовители геральдических печатей в России конца XVIII – первой половины XIX в.

В кругу предметов дворянского быта, которые могли нести на себе геральдические изображения, личная гербовая печать была предметом, возможно, наиболее значимым, необходимым практически любому взрослому правомочному представителю благородного сословия, обладающему гербом. Обращение к стратегиям ее использования неминуемо сталкивает нас с целым комплексом не вполне еще изученных проблем. Это и прикладные аспекты, связанные, например, с методами музейной атрибуции, и вопросы академического характера – о степени проникновения геральдики в жизнь и быт мелких и средних помещиков, составлявших основу сословия, и, шире, о социальном облике этих лиц, их мироощущении и отношении к сословным ценностям. Специфичность темы и ее крайне бедное отражение в источниках делают ценным выявление любых, даже, на первый взгляд, второстепенных документированных закономерностей бытования дворянских печатей. Одной из них посвящен данный очерк.

Проблему удобно рассматривать на примере некоей конкретной дворянской корпорации и конкретного региона. Таковым избрана Тверская губерния – типичный регион Центральной России, характеризующийся тесной географической близостью к Москве и обладавший обширной прослойкой постоянно проживавших в нем дворянских семей. По данным, относящимся к 1847 г., но относительно стабильным на протяжении многих лет, потомственное дворянство губернии, включая не только помещиков, но и беспоместных и приезжих служащих, насчитывало около 7000 человек обоего пола. Среди них владельцев ста и более душ насчитывалось 1471, прочих было 5535¹. На первый взгляд, губернская дворянская корпорация даже сама по себе образовывала для производителей гербовых печатей обширную потенциальную клиентуру. К таковой, добавим, отчасти следовало бы отнести и личных дворян, которые, не обладая гербами, по своим поведенческим стандартам ориентировались на дворян потомственных, в доступных формах воспроизводя их опыт, в том числе и в сфере пользования печатями. Прослойка личных дворян неуклонно росла и составляла в это время около 3000 человек. Кроме того, весьма значительно, почти втрое, увеличивают

---

¹ Памятная книга по отчету за 1847 год по Тверской губернии. Тверь, 1848. С. 109.

указанный круг потенциальных потребителей печатей представители других сословий, остающиеся за пределами нашей темы, но также употреблявшие в быту печати с эмблематическими композициями и вензелями – купечество и духовенство. Какими же местными силами мог удовлетворяться данный спрос?

По характеру задач, стоявших перед мастерами при производстве печатей, поддаются вычленению три основных потребительских ниши: 1) печати для учреждений; 2) респектабельное официальное производство для частных лиц; 3) маргинальная индустрия, выпускавшая массив низкокачественного товара для низших потребительских групп. Выясняется, что без мастеров, способных обслужить первые два из указанных направлений, Тверской губернии удавалось обходиться десятилетиями.

Потребность в казенных печатях, несших на себе государственный герб или гербы городов, с конца XVIII в. удовлетворялась в рассматриваемом регионе единственным способом, который уверенно реконструируется по сохранившимся документам. На первой стадии заявки казенных учреждений, городских обществ и сословных корпораций аккумулировались губернским правлением. Обязательным условием, фигурирующим в сопроводительной переписке, было предоставление «рисунков» (эскизов). Далее заявки пересылались в Тулу, где местная казенная палата размещала заказ среди мастеров Императорского оружейного завода. Впервые о данной схеме известно применительно к 1785 г., когда губернское правление осуществило «зделание во все присудственные места стал[ь]ных печатей»². Следующей была несколько затянувшаяся кампания по производству 13 печатей для городских дум. Началась она в 1788 г.³, но в связи с инертностью некоторых городских общин последние печати поступили на места только в 1791 г.⁴. В дальнейшем тот же порядок, как можно понять, воспроизводился при необходимости. Заметна, например, операция по замене гербовых печатей в связи с включением в состав государственного герба креста Святого Иоанна Иерусалимского. О ней и некоторых других кампаниях пока известно только по изменениям в иконографии отрисовок печатей при сохранении, однако, их технических и стилистических параметров, выдающих прежнего производителя.

Печати, поступавшие из Тулы, были стальными, отличались хорошим качеством и служили долго. Даже в ситуации, связанной с изъятием мальтийского креста из государственного герба, замены этих добротных изделий не произошло. Например, в 1810-х гг. большая гербовая печать Тверской казенной палаты все еще несла на себе данное изображение, утратившее

² Государственный архив Тверской области (далее ГАТО). Ф. 174. Оп. 2. Д. 169. Л. 1.

³ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4324. Л. 5.

актуальность за десять лет до того. В документах губернского правления (правда, второстепенных) печать с мальтийской символикой встречается даже в 1831 г.⁵

Уездные присутственные места пользовались печатями, изготовленными в XVIII в., по меньшей мере, до конца 1820-х гг. Нередко встречающиеся в документах оттиски этих изделий, сделанные копчением, позволяют заметить, что, будучи выполненными для разных городов, они соответствуют одному стандарту и явно вписываются в понятие серии. Матрицы этих печатей были довольно крупными, имели одинаковый размер (около 4 x 3 сантиметра), форму в виде вертикального овала и единообразное оформление, в соответствии с которым герб заключался в барочный картуш. Хотя тульским мастерам и были предоставлены эскизы, курьезных переосмыслений тверской геральдики с их стороны избежать не удалось. Интерпретация ими герба города Старицы, известная, в частности, по оттиску печати Старицкой уездной дворянской опеки⁶, далека от канонической версии, предполагающей изображение «старицы» с клюкой – старухи или монашенки. На тульской печати женщина на гербе также держит клюку, но силуэт ее платья, характерная высокая прическа и даже каблучки на туфлях соответствуют, скорее, дворянской моде XVIII в.

Таким образом, казенные заказы – редкие и размещавшиеся за пределами губернии – не могли создать дополнительных условий для того, чтобы труд местных резчиков печатей стал востребованным. О состоянии этого промысла в Тверской губернии говорит тот факт, что официально практикующих цеховых резчиков печатей, которым можно было дать ответственный заказ – как казенный, так и частный – и с которых можно было при случае спросить, здесь не было. Во всяком случае, их устойчивое, а не спорадическое присутствие на местном рынке не подтверждается пока никакими документами.

Некое предложение услуг и некие мастера в губернии все же существовали, но в рамках подпольной и отчасти крими-

Оттиск печати Старицкой дворянской опеки. 1780-е гг. (?).

⁵ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 27736. Л. 14 об.

⁶ Там же. Ф. 645. Оп. 1. Д. 1229. Л. 5 об.

нальной индустрии – незаконного предпринимательства, не обложенного сборами, не контролируемого цехом и ремесленной управой, не дающего заказчику никаких гарантий. Когда один из таких мастеров, некий Василий Лебедев, совершил попытку легализоваться, наведение справок показало, что «поведения он не трезвого и доверия [...] заслуживать вовсе не может, потому что он не точен в исполнении делаемых ему поручений, на что неоднократно приносимы были от разных лиц жалобы, по которым он весьма часто находился в полиции, нередко даваемые ему для резьбы вещи в нетрезвом виде закладывает в посторонние руки, а в случае утраты вещей вознаградить за оныя ничем по бедности свое не может»⁷. Официальный же резчик был связан не только цеховой дисциплиной и денежными поручительствами, но и находился под особым контролем властей. Положение мастера, наделенного таким статусом, косвенно иллюстрируется фразой из романа А.Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858 г.), относящейся к резчику печатей – соучастнику подлога: «Резчик тоже умно показывает. Хорошо старичок говорит [...]. Печати, говорит, действительно для князя я вырезывал, но гербовые, для его фамилии – только. Так как, говорит, по нашему ремеслу мы подписками даже обязаны, чтоб казенные печати изготовлять по требованию только присутственных мест, каким же образом теперь и на каком основании мог сделать это для частного человека?»⁸. Заметный в данном отрывке криминальный аспект изготовления печатей, отчасти объясняющий отсутствие у местных мастеров интереса к легализации, в том и состоял, что данная индустрия была тесно связана с подделкой документов. И если нам что-то известно о ней, то именно благодаря эпизодам, попадавшим в сферу внимания полиции.

Упор в подпольном производстве, за исключением заказных фальшивок, делался в значительной степени на готовую продукцию, то есть на незамысловатые печатки с типовыми изображениями – простейшими эмблемами вроде почтовых голубков или надписями неличностного содержания. Пример о выпуске печаток такого рода в Твери можно найти в показании по делу о фальшивых видах на жительство. Подтверждая следствию, что обвиняемый действительно занимается резьбой, свидетель сообщал, что, ночуя дома у некоего отставного солдата, видел, как тот «вырезал на беловатом каком-то камне печать, изображающую два пера крестом»⁹. Еще одно показательное свидетельство указывает на технику реализации этих поделок и основной контингент покупателей. В свидетельских показаниях, относящихся к 1848 г., сообщается: «Печать была куплена мной в городе Клину у какого-то приезжего из Твери мещанина [...], печатей с ним было

⁷ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 10129. Л. 17 об. – 18.

⁸ Писемский А.Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1956. С. 428.

⁹ ГАТО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 327. Л. 153.

много, которые покупали у него клинские мешане. Кто он такой, где стоял в Клину, я не знаю, и от него ходил поляк Егор, а прозвания не знаю, и спрашивал, кому надо печатей – и когда я вздумал купить, то Егор повел меня в поле, куда вышел и мешанин с печатями, который показал мне в сумке более двадцати сделанных печатей, и я купил одну, заплатив ему полторы рубли серебром»¹⁰. Товар, таким образом, продается из-под полы, стоит недорого, а его потребителями выступают в основном городские низы.

Качественно выполненная гербовая печать, в отличие от такой печати – товар ответственный, дорогой и изготавливаемый только на заказ. О степени сложности данного дела свидетельствует реклама в изданиях конца XIX в., которая, при всей относительности данного сопоставления, обозначает показательную тенденцию. Рекламные модули в «Ниве» сообщают, что нанесение герба на заказанную печать в зависимости от сложности его композиции повышало стоимость работы от шести до десяти раз: при цене самой печати от 1 рубля 20 копеек до 3 рублей герб на ней стоил до 12 рублей. Необходимо заметить, что цеховые мастера, в принципе способные к тонкой обработке металлов, в Тверской губернии первой половины XIX в. имелись, хотя и в небольшом количестве. Все они, не только ювелиры, но и прочие, вплоть до слесарей, были объединены в рамках местного серебряного цеха. Но когда в 1844 г. по запросу губернатора выяснялся вопрос, способен ли кто-то из них делать гербовые печати, то «из среды собранных ремесленников для вырезки печатей никого не оказалось»¹¹. Для этого занятия недостаточно было просто уметь работать с металлом. Официальному резчику печатей следовало обладать дополнительными навыками, которые никому из тверских мастеров выработать не пришлось.

О том, что нужно было уметь цеховому резчику, и о механизме допуска к профессиональной самореализации известно благодаря эпизоду с вышеупомянутым Василием Исаевым Лебедевым. Это был крепостной из Новгородской губернии, который, по стечению обстоятельств имея шанс получить волю, в ожидании судебного решения жил в Твери в 1840-х гг. и кормился работой по камню и металлу. В 1844 г. он объявил свое умение изготавливать печати и подвергся испытанию, положенному для записи в цех, то есть доказал свое мастерство в присутствии старшин цеха и членов ремесленной управы. Оттиски изготовленных им печатей были приложены к архивному делу, где сохраняются и поныне¹², в связи с чем требования к мастеру и качество его труда доступны современному исследователю.

Программа испытания В.И. Лебедева включила изготовление печатей стандартного размера, от двух до трех сантиметров в диаметре, из трех ос-

¹⁰ ГАТО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 327. Л. 72.

¹¹ Там же. Ф. 466. Оп. 1. Д. 10129. Л. 12.

¹² Там же. Л. 13.

новых материалов – на стали, на меди, на камне. Были представлены композиции трех иконографических типов, которые, видимо, понимались экзаменаторами как главные: это дворянская печать с гербом (в данном случае изображен реально существующий герб Козловых, представители которого имелись и в Тверской губернии), печать с эмблематической композицией и вензелем, дворянская печать с вензелем (см. вкладку, илл. 108–110). Следовало продемонстрировать и понимание фалеристической атрибутики. Всего на двух дворянских печатях – с гербом и условно трактованным вензелем – мастер показывает умение изображать пять видов наград (крест, крест с мечами, крест с бантом, крест с короной, медали), а также наградное оружие. Требования к соискателю, таким образом, были довольно высоки.

С технической точки зрения испытание В.И. Лебедева завершилось успехом. Достойно внимания, что, судя по его подписи под оттисками своих изделий, рука мастера была твердой только при изготовлении печатей: резал он ровнее, чем писал. Но помимо профессиональных стандартов существовали еще стандарты социальные, и неопределенное правовое положение В.И. Лебедева, финансовая несостоятельность, плохая репутация и отсутствие поручителей не позволили ему занять место цехового мастера. Примечателен пиетет к ремеслу резчика печатей, заметный, в частности, в словах полицмейстера, возражавшего против приема В.И. Лебедева в цех: «Он должен вести себя благочинно, быть трудолюбивым и хорошего поведения; напротив, он по нетрезости своей не только не имеет сих качеств, но даже по важности ремесла может причинить вред»¹³.

Других лиц, желающих совершенствоваться в сложном и ответственном ремесле, и при этом отвечающих всем нормам, не находилось. Отсутствие предложения услуги позволяет предположить отсутствие сколько-нибудь заметного спроса на нее. О практической ненужности для губернии резчика печатей сделало вывод само Министерство внутренних дел. Тверской губернатор А.П. Бакунин, который все же считал полезным иметь под рукой такого специалиста, ходатайствовал в Петербурге о дозволении, в виде исключения из правил о черте оседлости, поселиться в губернском городе витебскому мещанину Соломону Соломону, готовому заняться здесь производством печатей. Отказ, подписанный лично министром, мотивировался тем, что «заготовление печатей не относится к разряду потребностей вседневных и непременно местных, ибо печати с лучшей выгодой можно заказывать как в казенных художественных заведениях, так и у частных резчиков в Санкт-Петербурге, Москве и Туле»¹⁴.

¹³ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 10129. Л. 20.

¹⁴ Там же. Л. 29.